

7. Хайдеггер М. Истоки художественного творчества // Западная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. - М., 1987; Его же. Вопросы о технике // Времья и бытие: статьи, выступления. - М., 1993.
8. Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технологической воспроизводимости: Избр. эссе. - М., 1996.
9. Васюков О.К., Гончаренко Н.В., Громов В.Е. и др. Художественная культура и гармоническое развитие личности. - Киев: Наукова думка, 1982.
10. Славянская культура - образованию: материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост. и отв. ред. Т.В. Челышева. - М., 1999.
11. Турен А. Возвращение человека действующего: Очерк социологии. - М.: Научный мир, 1998.
12. Тойнби А. Дж. Постигание истории. - М.: Прогресс, 1991.
13. Балханов В.А., Иванкина Л.И. Образовательная экзистенциальность «homo sapiens» // Вестник Бурятского государственного университета. - Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология. - 2009. - Вып. 6а.
14. Князева Н.Н., Курдюмов С.П. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях неустойчивости. - М.: Прогресс-Традиция, 2003.
15. Лукин Ю.А. Художественная культура зрелого социализма. - М., 1977. - С. 22.
16. Руднев П. Новая пьеса в России. Социальные аспекты проблемы // Новый мир. 2005. №7.

Literature

1. Sorokin P. Man. Civilization. Society. - M., 1992.
2. Averintsev S.S., Andreev M.L., Gasparov M.I., Grincer P.A., Mikhailov A.V. The categories of poetics in the succession of literary epochs. // Historical poetics: literary epochs and types of the artistic perception. - M., 1994.
3. Kondakov I.V. Russian culture: brief outline of the history and theory. - M., 2007.

Сведения об авторе

Бороньева Татьяна Анатольевна - кандидат искусствоведения, директор Республиканского художественного музея имени Ц.С.Сампилова, г. Улан-Удэ, e-mail: tat_boronoyeva@mail.ru.

Data on author

Boronoeva Tatyana Anatolevna - candidate of arts, head of Ts. S. Sampilov Fine Art Museum, Ulan-Ude, e-mail: tat_boronoyeva@mail.ru.

УДК 159.9

ББК 88.58

4. Krivtsun O.A. Historical anthropology and artistic process. // Art in the situation of the changing cycles. Interdisciplinary aspects of the research of artistic culture in transitive processes. - M.: Nauka, 2002.
5. Sledov A.K. Spiritual renovation of the society. - Moscow, 1990; Sledov A.K. Spiritual life of the society. - Moscow, 1980. Sledov A.K. Perestroika and consciousness. - M., 1988.
6. Yachin S.F. A man in the succession of events of victim, gift and exchange. - Vladivostok, 2001.
7. Haidegger M. Origin of the artistic work // Foreign esthetics and theory of literature of XIX-XX.: articles. - M., 1987; Haidegger M. Questions about technics. // Time and existence: articles, speeches. - M., 1993.
8. Beniyamin V. Work of art in the epoch of its technological reproducibility: selected essays. - M., 1996.
9. Vasyukov O.K., Goncharenko N.V., Gromov V.E. and others. Artistic culture and harmonious development of personality. - Kiev: Naukova dumka, 1982.
10. Slavonic culture to Education: International academic and research conference proceedings / comp. by T.V. Chelisheva. - M., 1999.
11. Turén A. Returning of a homo-active: Sociology essay. - M.: Nauchniy mir, 1998.
12. Toynbi A.J. Comprehension of history. - M.: Progress, 1991.
13. Balhanov V.A., Ivankina L.I. Educational existentialism of «homo sapiens» // Buryat State University bulletin. Series # 6 Philosophy, Sociology, Politology, Culturology. 2009. Issue 6a.
14. Knyazeva N.N., Kurdyumov S.P. Synergetic paradigm. Man and society in unstable circumstances. - M.: Progress-Tradiciya, 2003.
15. Lukin Yu.A. Artistic culture of mature socialism. - M., 1977. - P. 22.
16. Rudnev P. A new play in Russia. Social aspects of the problem // Novii mir. 2005. № 7.

С.О. Монгуш

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СУЩНОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Автор статьи в своем экскурсе исходит из общего понятия идентичности, введенного в науку Зигмундом Фрейдом. Рассматривая этническую идентичность как один из видов идентичности, связанный с этничностью человека, он определяет ее как осознание личностью своей принадлежности к определенному этносу. В структуре этнической идентичности автор выделяет и кратко рассматривает два его основных компонента - когнитивный и аффективный.

Ключевые слова: идентичность, этничность, личность.

S.O. Mongush

TO THE PROBLEM OF STUDYING OF ETHNIC ESSENCE OF IDENTITY

The author of the article in the digression starts with the general concept of identity that was defined in a science by Sigmund Freud. Considering ethnic identity as one of the kinds of identity, connected with the ethnic identity of the person, it defines it as comprehension of the accessory to the certain ethnos by the person. In the structure of ethnic identity the author allocates and shortly considers two its cores of a component - cognitive and affective.

Key words: identity, ethnic identity, the person.

Понятие этнической идентичности в научных исследованиях является одной из наиболее сложных и дискуссионных тем, что обусловлено разнообразием теоретических и методологических подходов к исследованию данного вопроса. Раскрытие сущности этнической идентичности целесообразно начать с рассмотрения общего понятия «идентичность». Исследование данного вопроса берет начало с работы З. Фрейда «Групповая психология и анализ Эго», написанной в 1914 г., где впервые понятие *идентификация* было использовано в психологическом контексте. Здесь Фрейд рассматривал идентификацию не только как бессознательную эмоциональную связь ребенка с родителями, но и как важный механизм, взаимодействие между индивидом и социальной группой. Ученый также раскрыл объемный потенциал этого понятия – как разделяемой членами группы общей идентификации, применяемой для исследования природы группы, ее сплоченности [1].

Употребление термина «идентичность» в социально-гуманитарных науках – культурной антропологии, социологии, социальной психологии – долгое время шло по параллельному с философией руслу, но с последней практически не пересекаясь. Впервые в философском плане проблематика идентичности стала разрабатываться американскими учеными Д. Мидом и Ч. Кули, которые, кстати, вместо самого термина «идентичность» употребляли понятие «самость» (Self).

Рассмотрим подробнее концепции идентичности этих и других ученых. Так, Мид рассматривал идентификацию как результат социального взаимодействия. В качестве инструмента идентификации он ввел понятие «обобщенный другой», под которым понимал совокупность обезличенных установок, норм и ценностей общества. Получалось, что в процессе общения с другими людьми индивид начинал смотреть на себя как бы со стороны, то есть как на социальный объект. Сознание же собственного «Я», по Миду, человек обретает лишь в групповом действии, как бы примеряя на себя роли «обобщенных других».

Другой известный американский ученый, психолог Э. Эриксон разработал несколько иную концепцию идентичности, которая, по его мнению, должен занять центральное место в современной социальной теории. Он ввел понятие «психосоциальной идентичности» как продукта взаимодействия между обществом и личностью. Психосоциальная идентичность, согласно его трактовке, характерна только для зрелой личности, у которой внутренняя тождественность и непрерывность синтезируется со стремлением к ее интеграции с социальными структурами (государством, нацией, различными социальными группами) [2].

В качестве опосредствующего инструмента идентификации вместо «обобщенного другого» Мид у Эриксона выступает «идеология» – систе-

матизированная совокупность идей и идеалов. Исследуя динамическую адаптивную функцию идентичности, Эриксон ввел понятие «кризиса личностной идентичности» и подчеркивал их неразрывную связь с кризисами общественного развития. В структуре психосоциальной идентичности он выделял позитивные и негативные элементы, свойственные как индивиду, так и его исторической эпохе. В зависимости от силы кризиса возможна ситуация, когда негативные элементы выходят на передний план за пределы позитивной этнической идентичности. Индивидуальные кризисы идентичности и кризисы общества Эриксон рассматривал как особый поворотный пункт в развитии личности, когда создаются элементы новой идентичности [3].

Ученые психоаналитического направления, к которому принадлежал Эриксон, исследуют мотивационную функцию идентичности. Рассматривая психосоциальную идентичность как необходимое условие для сохранения здоровья индивида, его внутренней целостности и стабильности, Эриксон определял ее как важнейшую личностную потребность.

Известный неопрейдист Э. Фромм также включал потребность в идентичности в числе универсальных человеческих потребностей. По его мнению, потребность в идентичности стоит за стремлением людей к обретению социального статуса и преодолению конформизма как одного из четырех описанных им психологических механизмов «бегства от свободы» [4]. В качестве одной из ведущих человеческих потребностей, по мнению Фромма, является «потребность в связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества», что достигается путем самоотождествления с какими-либо идеями, ценностями социальными стандартами, т.е. путем формирования социальной идентичности [5].

Потенциальная множественность социального выбора и расширение путей самореализации, ставшие впервые возможными в условиях капиталистических отношений, по мнению Фромма, сталкиваются с неподготовленностью человека к социальному одиночеству и вызывают вследствие этого поиск таких связей с миром, которые уничтожают его индивидуальность – «индивид перестает быть самим собой: он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные» [6].

Данный факт столкновения двух противоположных тенденций общественного развития – тенденции стереотипизации образа жизни и универсализации общественных связей и тенденции всесторонности включения человека в общественную практику – стал предметом научной рефлексии в социальной психологии, что отметили многие исследователи.

Так, в начале 70-х гг. XX в. создатель антропологии К. Леви-Стросс утверждал, что кризис идентичности станет новой бедой века, и прогнозировал изменение статуса выдвинутой проблемы: социально-философское и психологическое рассмотрение расширится до междисциплинарного подхода [7].

Еще одной из известных концепций идентичности является концепция социальной идентичности Г. Теджфелла. Здесь идентичность не только была переведена автором на межгрупповой уровень, особое внимание было уделено внутренней когнитивной структуре данного психического образования. В соответствии с этой концепцией качество и значение идентичности определяется посредством логических операций сравнения своей группы с другими группами по ряду значимых понятий. В ситуациях, когда групповое различие становится особенно заметным, индивид начинает реагировать с позиции своего группового членства, а не с позиции отдельной личности. Одновременно Теджфелл подчеркивал эмоциональную значимость группового членства [8].

Завершив анализ общего понятия идентичности, перейдем к рассмотрению понятий этнической идентичности, которая является одним из видов идентичности, связанной с этничностью человека. В исследованиях этнической идентичности наиболее известны работы американских антропологов Дж. Де Вос и Л. Романуки-Росс. Оба они рассматривали идентичность как форму идентификации, обращенной в прошлое и воплощенной в культурной традиции определенного индивида или группы. Этническая идентичность, по их мнению, это одна из трех ориентаций на настоящее – как гражданина государства и на будущее – как последователя какой-либо идеологии. В итоге данные авторы связывали этническую специфику, социальный статус и идеологию в единую систему, в которой этничность, как бы исходящая из прошлого, существует в качестве органической и неотъемлемой части настоящего и будущего индивида [9].

По мнению отечественного автора В.Ю. Хотинец, этническая идентичность может быть рассмотрена по аналогии с психосоциальной идентичностью Эриксона, которая аккумулирует в себя ряд самоидентификаций, таких как этническая, культурная, языковая, религиозная, обрядовая, расовая, антропологическая, психологическая. При этом основой этнической идентичности является этническая самоидентификация [10].

В российской науке проблемы этнической идентичности с позиций анализа этого феномена в контексте этнической группы рассматривались на основе более широкого понятия «этническое самосознание», использовавшегося в работах советских этнографов, историков, социологов, психологов. Мы также используем термин «этническое самосознание» в трактовке, данной видным этно-

социологом Л.М. Дробижевой. Она четко отличает понятие «этническое самосознание» от представлений об этнической идентичности. Причем этническое самосознание понимается автором широко – не только как осознание принадлежности к своему народу, но и как представление о его культуре, языке, территории, истории, государственности, условно говоря, – «образ мы» и осознание интересов народа [11]. По ее мнению, этническая идентичность является центральным феноменом этнического самосознания, «связывающим» индивида с его этнической группой и выступающим как результат взаимосвязанных социально-психологических процессов этнической идентификации и межэтнической дифференциации [12].

Таким образом, этническая идентичность является одним из наиболее устойчивых видов идентичностей. Основными компонентами этнической идентичности являются: самоотнесение себя к данному этносу; автостереотипы – представления о культуре, языке, истории, территории, государственности своего народа; этнический «образ мы».

Важнейшей частью этнической идентичности является также этническое «бессознательное», которое рассматривается социальными психологами как подавленный или вытесненный большинство людей данной этнической группы материал, который каждое поколение разделяет со следующим [13]. В критических социальных ситуациях, связанных с обострением межэтнических отношений, происходит нарушение компенсаторной связи между коллективным бессознательным и групповым сознанием. Это состояние К. Юнг в свое время назвал «психической инфляцией», охватывающей не только отдельных индивидов, но и целые группы людей. Психическая инфляция, согласно его толкованию, распространяется в группе посредством социально-психологических процессов эмоционального заражения, подражания и психологического внушения (конкретные исследования психической инфляции проводили Г. Лебон, Г. Тард, Б.Ф. Поршнев).

В трактовке данного вопроса придерживаемся позиции большинства российских исследователей, которые разграничивают понятия «этническая идентичность» и «этническое самосознание». Мы также считаем, что этническая идентичность выступает «когнитивно-мотивационным ядром этнического самосознания и содержит в себе также слой бессознательного» [14].

Этническая идентичность является неотъемлемой частью общей социальной идентичности человека. В этом качестве – как часть социальной идентичности личности – этническая идентичность выражает осознание принадлежности человека к определенной этнической общности. При этом следует иметь в виду, что этническая идентичность может не совпадать с декларируемой идентичностью (причислением себя к этнической общности), которая проявляется с «самоназыва-

нии» и зависит от социальной ситуации. Поэтому человек может пользоваться приемом своеобразного «переключения этнических кодов», которое при этом не затрагивает его подлинной идентичности. К примеру, в советское время, характеризовавшееся государственным и бытовым антисемитизмом, людям еврейской национальности постоянно приходилось выбирать – где, когда и с кем быть евреем [15].

Этническую идентичность не следует рассматривать исключительно как результат когнитивного процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов. Это не только осознание, но и оценивание, переживание своей принадлежности к этносу. Представляется, что смысл данного понятия наилучшим образом отражает термин «переживание», который использовали в своих работах известные российские исследователи Г.Г. Шпет и Л.С. Выготский.

Так, Шпет ввел понятие «коллективные переживания», не сводя их только к эмоциям или только к когнициям [16]. На другом уровне – психологического анализа – близкое шпетовскому понятие «переживания» предложил Выготский, рассматривавший его в качестве единицы для изучения личности в среде. Показательно сходство определений, даваемых двумя учеными. Как для Шпета коллективные переживания есть отношение к продуктам культуры ее членов, так для Выготского переживание есть «...внутреннее отношение ребенка как человека к тому или иному моменту действительности» [17].

Еще одной особенностью этнической идентичности, по мнению Г.У. Солдаговой, является мифологичность, так как «ее главная опора – идея или миф об общих культуре, происхождении, истории» [18]. Тем не менее следует иметь в виду, что нет ни одной особенности этнической идентичности, которой не было бы присуще какое-либо составляющее социальной идентичности. Отличие этнической идентичности от других составных частей социальной идентичности следует искать не в отдельных особенностях, а в их структурных соотношениях у представителей того или иного народа.

В структуре этнической идентичности обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней).

Этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценки значимости членства в ней, разделяемые этнические чувства. Достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязатель-

ства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида.

Отношение к собственной этнической общности проявляется в так называемых этнических аттитюдах – позитивных и негативных. Позитивные аттитюды включают удовлетворенность членством в этнической общности, желание принадлежать к ней, гордость за достижения своего народа. Так, при исследовании эмоциональной сферы титульных народов республик России – татар, якутов, тувинцев – обнаружено, что за последние годы все они стали воспринимать свою этническую общность как более привлекательную. Повышение этносоциального статуса этих народов в условиях новой социальной реальности сопряжено с ростом чувства самоуважения и гордости за свой народ [19].

Наличие негативных аттитюдов к группе принадлежности включает в себя: отрицание собственной этнической идентичности; чувство униженности; предпочтение других групп в качестве референтных. В исследованиях Г. Солдаговой было, например, обнаружено, что у русских, проживающих в национальных республиках России, самоуважение к собственной этнической группе снизилось.

Утрата позитивного восприятия своей этнической общности была обнаружена Н.М. Лебедевой после распада СССР и у русских, проживающих в странах нового зарубежья. В этих условиях у многих из них возникли негативные переживания и чувства, связанные с этнической принадлежностью – стыд, обида, ущемленность, униженность (это показали в своих ответах 6,3% опрошенных в Казахстане и 71,4% в Эстонии). Исследовательница особо подчеркнула, что рост негативно окрашенных этнических аттитюдов сопутствует пробуждению у людей этнической идентичности, связанной с кардинальными изменениями в обществах, в которых они живут [20].

Некоторые авторы особо выделяют поведенческий компонент этнической идентичности, понимая его как реальный механизм не только осознания, но и проявления себя членом определенной группы, как «построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях» [21]. Вместе с тем многие специалисты считают, что выделение поведенческого компонента этнической идентичности не обоснованно, так как ведет к излишнему расширению этого понятия.

Кроме того, следует различать установки на этническую культуру, представляющую собой своеобразные этнические прототипы или образы, достойные подражания, и реальную в нее вовлеченность. Иными словами, правомерно выделять не поведенческий компонент этнической идентичности, а лишь готовность индивида к коллективным формам деятельности, стремление к достижению групповых целей. Готовность, которая далеко не всегда реализуется в действиях.

Следует отметить, что этническая идентичность в наши дни не всегда предполагает взаимодействие с группой (где индивид – «свой»), а может ограничиваться чисто символическим присвоением этнодифференцирующих признаков. Вместе с тем необходимо учитывать, что в традиционном обществе вовлеченность в социальную жизнь и культурную практику этнической группы является важным компонентом становления и функционирования этнической идентичности. Более того, беспрепятственность идентификации человека с этносом в традиционном обществе достигалась именно благодаря включенности каждого индивида в жизнь группы и постоянной подтверждаемости принадлежности к ней социально значимым внутригрупповым взаимодействием.

На основе социальных представлений о своей и чужих этнических группах формируется комплекс представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков. При этом в качестве этноопределителей могут выступать самые разные признаки: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство.

Эволюция этнических общностей, развитие связей между ними приводят к появлению все новых этнодифференцирующих признаков. Например, разделение этносов на «Мы-Они» может быть зафиксировано в границах, отделяющих родину от территории «варваров». Здесь этническая идентичность выражается через идею территориальной общности, «родной земли», родиноцентризма, как, например, у китайцев, которые, по их представлениям, жили в «срединном царстве». В настоящее время тесная связь этнической идентичности с чувством родины характерна для титульных этносов независимых государств – бывших республик СССР. Эти народы, как и титульные народы республик России, рассматривают территорию этноконсолидирующим фактором и связывают становление государственной целостности с родной землей.

Родиноцентризму нередко сопутствует этническая эндогамия – запрещение вступать в брак с представителями «чужого» народа. Вместе с тем этническая эндогамия может быть относительной: например, у горных народов Вьетнама нет абсолютного запрета жениться на девушке из соседней общности, но бытует представление об их «лени и дурном характере».

Поскольку к XVIII в. сложилось этнолингвистическое и культурное единство большинства европейской общностей, в наступившее в Европе Новое время важнейшими этнодифференцирующими признаками стали считаться культура и язык, кстати, составляющий ее основу у всех письменных народов. Даже в наши дни в обыденном сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа. Этносоциологиче-

ские исследования, проводившиеся в 1970-1980 гг. в СССР, зафиксировали факт наибольшего значения именно языка как этнического идентификатора (например, по языку определяли свою этническую принадлежность 70-80 % эстонцев, грузин, узбеков, молдаван) [22].

При этом значение и роль этнодифференцирующих признаков варьируют в восприятии членов этнических групп. Так, у разных этнических групп, живущих в Австралии, ключевыми оказались различные культурные маркеры: религия (у ирландцев, поляков, малайцев, верующих евреев), семейные связи (у итальянцев и неверующих евреев), антропологический тип (у китайцев), территория (у аборигенов) и т.п. [23]. Значение этноопределителей может меняться с изменением исторической ситуации: например, их запрет или вытеснение на периферию властными структурами способствует их актуализации. Если, к примеру, до Второй мировой войны ключевым маркером для поляков служил язык, то после войны его место заняла религия, подвергавшаяся идеологическому давлению в период социализма [24].

В последние десятилетия исследователи все большее внимание уделяют символической роли тех феноменов культуры, которые рассматриваются наиболее значимыми этноопределителями. В функции символического маркера может выступать территория (мать – земля), язык (родная речь), жилище (домашний очаг) и т.п. Подобные символы могут быть максимально отчуждены от повседневного опыта, но воспринимаются как объективная реальность. Так, этнос может не владеть «своей» территорией, но имеет свой символический географический центр – «землю обетованную». Точно так же этническая идентичность может быть связана не столько с реальным использованием языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессах формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциации.

В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка. Одним из первых концепцию развития у ребенка осознания принадлежности к национальной группе предложил Ж. Пиаже [25]. Развитие этнической идентичности он рассматривал прежде всего как создание когнитивных моделей. При этом ученый выделял ряд этапов в развитии этнических характеристик.

С возрастом и развитием этнической идентичности у членов этнических общностей обычно происходит сдвиг к «внутригрупповой ориентации». Это происходит, когда новому поколению передаются нормы и ценности социокультурной среды. Процесс этнической идентичности представляет собой не только осознание индивидом членства в группе, но и принятия группой индивида. Индивид может принять правильную самоидентификацию вместе с правильной оценкой

группы. Одновременно у него формируется негативная этническая идентичность. Принимая негативную самоидентификацию, человек может по-разному реагировать на негативные суждения о своем этносе. Он может относить их к другим членам своей группы, но не к самому себе, установив психологические границы между ними и собой. Вторая стратегия состоит в попытке сменить группу.

Что касается этнической принадлежности, то в наши дни большинство исследователей считает ее скорее приписываемым, нежели наследуемым, качеством. Принадлежность к народу определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к культурным ценностям и святыням, которые образуют содержание истории народа.

В полиэтническом обществе люди демонстративно поддерживают позитивную групповую идентичность, проявляя предубеждения по отношению к представителям других этнических групп, и укрепляются от тесного взаимодействия с ними. Моноэтническая идентичность с чужой этнической группой ведет к полной ассимиляции, т.е. принятию норм, обычаев, языка чужой группы, вплоть до полного растворения в ней. Множественная идентичность позволяет человеку использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладевать богатством еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной. Это благотворно сказывается на личности, росте выходцев из межэтнического брака. Существует и маргинальная этническая идентичность, не сводящаяся ни к одной из них. Люди с подобной идентичностью, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты. Они разделяют общую идентичность, но не имеют конкретной и определенной идентичности.

В заключение кратко рассмотрим основные виды, типы этнической идентичности.

Адекватная идентичность – наиболее полная и четкая, когда образ своего народа воспринимается как положительный, характеризуется отношением к его истории, культуре, менталитету. В то же время такая позитивная этническая идентичность не направлена против других народов. При адекватной идентичности потребность в идентификации с данной этнической группой и уровень консолидации с ней зависят не только от самой личности, но также и от ситуации. Поэтому могут иметь место отклонения от «нормы» в направлении ее угасания или даже отрицания.

Этноцентрическая идентичность – это акцентирование личности на собственную этничность, ее безусловное некритическое предпочтение, восприятие жизни других народов сквозь призму культуры, традиционных установок и ценностных ориентаций своего этноса. При такой идентичности присутствуют элементы этноизоляции, замкнутости. Этноцентризм всегда

подразумевает противопоставление каким-либо – то определенным, то неопределенным – «они». В этом случае проводится четкое различие между понятиями «мы» и «они», причем установки, обычаи и поведение, характеризующие «нас», некритически рассматриваются как безусловно высшее по отношению к «их» этническим характеристикам.

Этнодоминирующая идентичность – такой тип идентичности, при котором этничность является наиболее предпочтительной перед всеми другими идентичностями (гражданской, политической, профессиональной и др.). При этом типе идентичности этническая принадлежность воспринимается как безусловно доминирующая ценность. Такая идентичность обычно основывается на представлениях об абсолютизации «этнического», о превосходстве своего этноса и, как следствие этого, сопровождается дискриминационными установками в отношении других этнических групп, признанием правомерности «этнических чисток», стремлением не смешиваться с другими этносами.

Этнический фанатизм – такой тип идентичности, при котором проявляется готовность идти на любые жертвы и действия во имя собственных этнических интересов и целей. Причем эти интересы и цели часто понимаются иррационально или абсолютизируются. Люди буквально «теряют головы», у них как бы замутняется разум. Данный тип представляет собой крайнюю форму агрессивной идентичности.

Этническая индифферентность – подобный тип идентичности характеризует людей, практически равнодушных к проблеме собственной этничности, ценностям своего и других народов. Они отчуждаются от норм и традиций собственной и других этнических групп.

Этнонигилизм – обычно проявляется в форме космополитизма и представляет собой отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей. Люди, придерживающиеся этнонигилизма, демонстрируют свою независимость от своего народа, этноса, его истории. Такие люди считают себя «прогрессивными» и принадлежащими человечеству, им присуще признание этнической идентичности архаичным, ненужным.

Амбивалентная этничность – слабо выраженная этническая идентичность, или «двойная» идентичность. Этот тип этнической идентичности распространен в этнически смешанных семьях и среди иммигрантов. Для таких людей этническая идентичность – своеобразный «внутренний референдум».

Выделяя указанные типы этнической идентичности, необходимо отметить, что в реальной жизни очень часто не удается отличить один вид идентичности от другого. К тому же надо иметь в виду, что в течение своей жизни человек может быть привержен то одной этнической идентично-

сти, то другой. Кроме того, самих типов и видов идентичностей может быть больше.

Литература

1. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – М., 1991.
2. Erikson E. Psychosocial Identity / A Way of Looking at things. Selected papers / ed. by St. Schlein. – N.Y., 1995. – P. 675.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996.
4. Фромм Э. Человеческая ситуация. – М.: Смысл, 1995. – С. 64.
5. Фромм Э. Указ. соч. – С. 66.
6. Фромм Э. Указ. соч. – С. 159.
7. Levi – Strauss C. Race and History // Structural Anthropology. – L., 1978. – Vol. 2 – P. 330.
8. Tafal H. Social Identity and Intergroup. Cambridge, Paris, 1982.
9. De Vos G.L., Romanucci-Ross L. (Eds.). Ethnic Identity. Chicago, 1982. P. 235.
10. Хотинцев В.Ю. Этническое самосознание. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 120-121.
11. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов / отв. ред. Л.М. Дробизева. М., ИЭА РАН, 1994. – С. 31.
12. Там же. – С. 62-65.
13. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – С. 52.
14. Там же. – С. 53.
15. Дробизева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – С. 214.
16. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. – М.: Воронеж, 1996.
17. Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 382.
18. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – С. 48.
19. Там же. – С. 49.
20. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. – М., 1997.
21. Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротесва В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. – М., 1996. – С. 28.
22. Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. Этнопсихология. – М., 1998.
23. Там же. – С. 36.
24. Smolicz J.J. Tradition, core and values intercultural development: Plural societies // Ethnic and Races. 1988. – Vol. 11. – P. 390-405.

25. Piaget J. Genetic logic and sociology // Piaget J. Sociological Studies / ed. by L. Smith. – L.: Routledge. 1995. P. 15.

Literature

1. Freud Z. Introduction in psychoanalysis. – M., 1991.
2. Erikson E. Psychosocial Identity / A Way of Looking at things. Selected papers / ed. by St. Schlein. – N.Y., 1995. – P. 675.
3. Erikson E. Identity: young and crisis. – M.: Progress, 1996.
4. Fromm E. Person situation. – M.: Smysl, 1995. – P. 64.
5. Fromm E. The Same. – P. 66.
6. Fromm E. The Same. – P. 159.
7. Levi-Strauss C. Race and History // Structural Anthropology. – L., 1978. – Vol. 2 – P. 330.
8. Taifal H. Social Identity and Intergroup. Cambridge; Paris, 1982.
9. De Vos G.L., Romanucci-Ross L. (Eds.). Ethnic Identity / ed. by Chicago, 1982. P. 235.
10. Hotinets V.Yu. Ethnic self-consciousness. – SPb., 2000. – P. 120-121.
11. National self-consciousness in the Russian Federation at the beginning of the 90-s / Resp. ed. L.M. Drobizheva. M., IEA RAN, 1994. – P. 31.
12. The Same. – P. 62-65.
13. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. – M.: Smysl, 1998. – P. 52.
14. The Same. – P. 53.
15. Drobizheva L.M. Russian and ethnic identity: counteraction and compatibility // Reformed Russia. – M., 2002. – P. 214.
16. Shpet G.G. Psychology of social being. – M.-Voronezh, 1996.
17. Vygotskiy L.S. Coll. of works. – M., 1984. – Vol. 4 – P. 382.
18. Soldatova G.Yu. Psychology of interethnic tension. – M.: Smysl, 1998. – P. 48.
19. The Same. – P. 49.
20. Lebedeva N.M. New Russian diaspora: social-psychological analysis. – M., 1997.
21. Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. Democratization and images of nationalism in the Russian Federation. – M., 1996. – P. 28.
22. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Ethnopsychology. – M., 1998.
23. The Same. – P. 36.
24. Smolicz J.J. Tradition, core and values intercultural development: Plural societies // Ethnic and Races. – 1988. – Vol. 11. – P. 390-405.
25. Piaget J. Genetic logic and sociology // Sociological Studies / L. Smith. – L.: Routledge. – 1995. – P. 15.

УДК 1:316
ББК 60.001-2

А.А. Бурзалова

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД СТАТЬЕЙ ГЕРМАНА ХАКЕНА «САМООРГАНИЗУЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО»

Человек в социуме, обладая политической свободой, не всегда обладает внутренней. Человек политически свободен, но экономически и информационно зависим. Человек, обладающий неалгоритмичным самосознанием, возможно, может избавиться от навязываемых стереотипов социума.

Ключевые слова: самоорганизующееся общество, информационная формация, формирование массового сознания, разгосударствление, теория самоорганизации, самосознание.